

Е.М. АВРААМОВА

Молодежь в социально-экономической и этической системе координат*

Статья посвящена исследованию представлений молодежи о механизмах социального устройства и вертикальной мобильности. Рассматриваются следующие вопросы: как молодежь оценивает социально-экономическое положение страны в стабильный период и в период кризиса; насколько болезненно она воспринимает сложившиеся в обществе неравенства и считает ли их справедливыми; каковы, с ее точки зрения, основные причины богатства и бедности; какие ресурсы молодежь считает наиболее эффективными для достижения успеха и какие модели трудового поведения для этого формирует. Анализ показывает, что молодежь осознает: она живет в обществе, устройство которого не представляется большинству ее представителей справедливым. Справедливым видится меритократический тип социального устройства, а реально действующие механизмы вертикальной мобильности преимущественно построены на социальных связях, заменяющих конкурентные преимущества меритократического типа. Но эта коллизия не представляется молодежи драматической, скорее, она воспринимает подобное противоречие как устоявшуюся норму.

Ключевые слова: молодежь, образование, занятость, вертикальная мобильность, социальная справедливость, модели трудового поведения

Будущее непопулярно. В отличие от других периодов российской истории, например, 1960-х гг., когда страна с космической скоростью устремлялась в будущее, сегодняшние общественные дискуссии фокусируются на прошлом — великом, ужасном, едином, неоднозначном. Популярны герои былых времен. Будущее представляется продлившимся настоящим, сориентированным на прошлое. Такая ситуация может быть психологически комфортна для старшего поколения, в меньшей степени — для среднего, но устраивает ли она молодежь? Насколько она готова внести качественные перемены в жизнь российского общества, в базовые черты российской экономики — это вопросы, ответы на которые неочевидны, но важны. Ведь, как ни отмахивайся от будущего, оно наступит и станет либо воспроизводством сложившейся матрицы, либо обретет новые черты, выведет к рампе новых героев, задаст новые векторы развития.

Эта проблематика, представляющаяся несомненно важной, не находит прямого отражения в проводящихся в настоящее время исследованиях, но они дают важную информацию, касающуюся смежных тем. Так, исследование Ф. Шереги зафиксировало в качестве характерных черт молодежи ориентацию на индивидуально значимые

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15–02–00196).

Аврамова Елена Михайловна — доктор экономических наук, профессор, заведующая лабораторией Исследований социального развития Института социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте РФ. Адрес: 119034 Москва, Пречистенская наб., 11. E-mail: avraamova-em@ranepa.ru

ценности (семья, карьера, благосостояние), в отношении которых молодежь (по крайней мере, ее часть) готова проявлять ответственность и целеустремленность, чего нельзя сказать о достижении общественно значимых ценностей [Шереги 2013]. Н. Зоркая пишет, что 44% опрошенных представителей молодежи не готовы в каких-либо формах отстаивать свои интересы [Зоркая 2008]. Наиболее важны для меня выводы Н. Зарубиной: для молодежи характерны краткосрочность социальных отношений, жизненных стратегий, короткая жизнь ценностно-нормативных образцов, отсутствие универсальных моделей поведения, в том числе трудового. Еще более важный вывод — об аномии, в состоянии которой пребывает значительная часть молодежи, но которая рассматривается не как трагическое, а как нормальное состояние [Зарубина 2016].

Эти выводы важны для исследования, которое в большей степени касается моделей социально-экономического поведения, формируемых и реализуемых различными группами современной российской молодежи; тех моделей, где общественные интересы вступают в непосредственное взаимодействие с экономическими потребностями на макроуровне (уровне государства), мезоуровне (уровне семьи) и микроуровне (уровне индивида). Для того чтобы сформировать соответствующие поведенческие модели, их субъекты исходят из представлений о том, в какой социально-экономической реальности эти модели будут реализовываться. Поэтому, исследуя те или иные формы поведения молодежных групп, необходимо прояснить, какие в них сложились представления об экономике и обществе — их состоянии и перспективах развития. Имеющаяся социологическая информация дает возможность прояснить следующие вопросы:

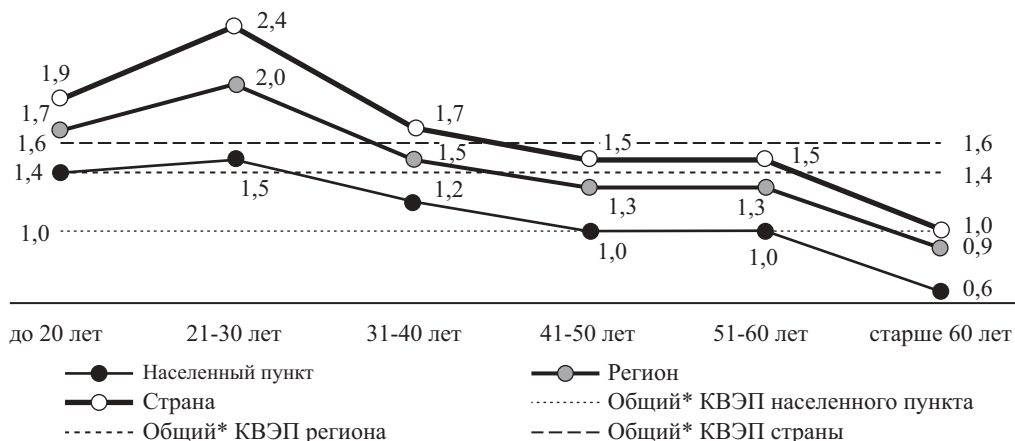
- как молодежь оценивает социально-экономическое положение страны, своего региона и своего домохозяйства в стабильный период и в период кризиса;
- насколько болезненно молодежь воспринимает сложившиеся в обществе неравенства и считает ли их справедливыми, какие видит основные причины богатства и бедности;
- какие ресурсы молодежь считает наиболее эффективными для достижения успеха в жизни и какие модели трудового поведения для этого формирует.

Соответствующая социологическая информация собрана в ходе различных опросов, проведенных РАНХиГС в 2014–2016 гг. с соблюдением общих правил сбора и анализа информации (репрезентативные выборки, соблюдение норм анализа социальной статистики). В результате мы получаем представления о той системе координат, в которой уже функционируют или предполагают функционировать различные группы российской молодежи.

Социальное самочувствие молодежи в стабильной ситуации и в период кризиса

В конце 2014 г., когда социально-экономическая ситуация в нашей стране характеризовалась большей стабильностью, свыше 60% россиян оценивали текущее экономическое положение страны как среднее, около 20% — как хорошее и менее 20% — как плохое. Наибольшими оптимистами при этом выступали как раз представители молодежи, среди которых 27% считали ситуацию в стране хорошей. Разработанный коэффициент восприятия экономического положения (КВЭП)¹ позволяет увидеть, как менялось восприятие динамики экономического положения в различных возрастных группах. На рисунке 1 показано, что самые высокие оценки получало развитие страны, а не региона или населенного пункта, и давали их именно представители молодежи. В возрастном интервале 30–40 лет восторженность явно начинала иссякать, чтобы в старших возрастах достичь минимальных значений.

¹ КВЭП представляет собой соотношение доли респондентов, давших оценку “хорошо” текущему положению населенного пункта, региона или страны, к доле тех, кто дали, соответственно, оценку “плохо”. Удовлетворительные оценки в расчете данного коэффициента не учитываются, поскольку их доля составляет свыше 60% практически во всех социально-демографических группах.

* Под “общими” понимаются средние показатели по массиву в целом.

Рис. 1. Изменение КВЭП страны, региона и населенного пункта в зависимости от возраста, 2014 г. (% от ответивших).

На основании полученных данных можно было заключить, что оценки докризисного экономического положения страны, региона и своего населенного пункта, а также прошлой и будущей динамики этого положения, зависят от возраста — представители молодежи были самыми большими оптимистами. Эти оценки могли поменяться с наступлением периода дестабилизации российской экономики. Чтобы проверить данное предположение, проанализируем результаты мониторинга РАНХиГС “Социальное самочувствие населения”², задачей которого было отслеживание социальных изменений, происходивших в ситуации ухудшения экономических параметров развития.

Настроения россиян за все время измерений менялись. В начале 2015 г. большинство (70%) зафиксировали незначительное или заметное ухудшение экономической ситуации, но с течением времени более трети респондентов стали высказываться в пользу стабилизации, не наблюдая ухудшения ситуации, при этом улучшение ситуации замечают не более 5% респондентов [Ежемесячный мониторинг... 2016]. Таким образом, большинство россиян (в районе 60%) считают, что ситуация либо не изменилась, либо незначительно ухудшилась. Молодежь несколько выделяется на общем фоне, сохраняя больший оптимизм — в ее составе меньше тех, кто видит заметные ухудшения в экономике либо рассматривают происходящее как полномасштабный экономический кризис (см. табл. 1). Около половины соответствующей возрастной когорты уже настроилась на стабилизацию экономической ситуации, что может свидетельствовать о том, что молодежь быстрее психологически адаптировалась к изменениям.

Большой оптимизм молодежи может объясняться тем, что она по объективным причинам (проживание совместно с родителями, низкая социальная ответственность) в меньшей степени затронута проявлениями кризиса. Но вместе с тем половину отвечавшей на вопрос молодежи хоть в незначительной мере, но коснулись происходящие в экономике изменения. К тому же часть соответствующей возрастной группы разделяет негативные ожидания (см. табл. 2).

Таким образом, можно заключить, что молодежь в целом осталась верна оптимистическим настроениям, сформировавшимся в период экономического подъема и стабильности. В то же время ее значительная часть уже ощутила на себе определенные эффекты, вызванные экономическим спадом.

² Репрезентативный опрос населения (выборка — 1600 респондентов) проводился РАНХиГС в режиме мониторинга в феврале, марте, апреле, мае, августе и сентябре 2015 г.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос “Как изменилось за последнее время экономическое положение страны?” (в %)

Возраст	Характер изменений экономического положения					
	Улучшилось	Без изменений	Незначительно ухудшилось	Заметно ухудшилось	Полномасштабный кризис	Затруднились ответить
Февраль 2015						
Моложе 25 лет	1,8	28,0	33,3	28,0	4,0	4,9
25–39 лет	2,8	18,1	35,2	35,2	7,1	1,6
40–54 года	3,4	15,8	29,5	40,8	8,2	2,3
55 лет и старше	2,6	12,9	32,5	39,8	10,0	2,2
Май 2015						
Моложе 25 лет	8,1	35,8	33,0	14,5	3,2	5,4
25–39 лет	9,0	32,2	29,4	21,7	4,6	3,1
40–54 года	5,6	32,7	25,5	26,2	7,2	2,8
55 лет и старше	5,7	30,3	29,3	24,6	6,1	4,0
Май 2016						
Моложе 25 лет	5,0	46,6	29,9	12,2	2,7	3,6
25–39 лет	4,1	35,5	24,0	25,5	9,4	1,5
40–54 года	5,8	33,5	21,8	32,7	5,3	0,9
55 лет и старше	4,1	31,5	23,9	28,0	10,5	2,0

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос “Затронули ли изменения экономического положения в стране вас и вашу семью?” (в %, май 2016 г.)

Возраст	Влияние изменений				
	Не затронули и вряд ли затронут	Пока не затронули, но вероятно затронут в будущем	Затронули незначительно	Затронули в сильной степени	Затруднились ответить
Моложе 25 лет	15,8	16,7	50,3	14,0	3,2
25–39 лет	8,3	12,7	53,4	24,9	0,7
40–54 года	11,4	11,2	45,0	30,5	1,9
55 лет и старше	7,3	11,8	42,6	37,3	1,0
<i>В целом</i>	<i>9,8</i>	<i>12,6</i>	<i>47,4</i>	<i>28,7</i>	<i>1,5</i>

Отношение к неравенствам

Один из важных социально-экономических феноменов – неравенство, масштаб которого в нашей стране характеризуется как избыточный [Шевяков, Кирута 2009]. В соответствии с данными нашего исследования, подавляющее большинство россиян (85,8%) считают, что в российском обществе существуют болезненные неравенства различного вида. Среди этой части населения наиболее часто встречается упоминание о неравенстве по уровню благосостояния (76,9%), заметно реже говорят о неравенстве в доступе к хорошим рабочим местам (41,8%); еще реже люди жалуются на несправедливость в доступе к качественной медицине (35%) и образованию (20,8%)³.

³ Данные получены в ходе исследования “Новые факторы неравенства”, осуществленного РАНХиГС осенью 2014 г. Объем выборки 4 тыс. домохозяйств. Выборка репрезентативна для населения России в целом.

Рис. 2. Причины бедности (в %, допускалось до трех вариантов ответа).

Во всех возрастных когортах доля тех, кто признают существование несправедливых неравенств, колеблется на уровне 70,0–73,3%.

Наиболее болезненное восприятие неравенства — по уровню благосостояния — с возрастом повышается. Так, 71,0% россиян до 20 лет включительно признают неравенство по уровню благосостояния одним из самых несправедливых. В возрасте 21–50 лет аналогичный показатель составляет 76,5%, после 50 лет он повышается до 79,3%.

До 20 лет доля россиян, считающих неравенство в жилищных условиях несправедливым, несколько превышает средние показатели, и именно возрастная когорта 20–30 лет дает пиковые значения (42% против 26% в среднем по всем возрастным группам).

Около 42,0% россиян считают неравенство в доступе к хорошим рабочим местам проблемой для общества в целом, а треть населения сталкивается с ним и в своей жизни. Данный вид неравенства значительно чаще волнует молодежь: в возрасте до 20 лет подобное неравенство считают несправедливым 43,2%; от 21 до 30 лет — 42,4% против 36% в среднем по всем возрастам.

Неравенство в доступе к образованию полагает несправедливым каждый пятый россиянин, и данный тип неравенств с особенной остротой воспринимается молодежью до 20 лет. Среди них в 1,8 раза чаще, чем в среднем по всем возрастным группам, встречаются те, кто сталкиваются с неравенством в доступе к образованию, и в 1,5 раза больше тех, кто считают этот тип неравенства опасным для общества. Таким образом, молодежь достаточно остро воспринимает сложившиеся в обществе неравенства, особенно в доступе к качественному образованию и “хорошим” рабочим местам.

Социологическая информация⁴ дает представление о том, в чем видят россияне причины неравенства и что, на их взгляд, должно определять уровень благосостояния. Предложенные на выбор варианты ответа на вопрос, в чем состоят основные причины бедности, содержали как сугубо экономические факторы, так и личностные характеристики (см. рис. 2).

⁴ Данные получены в ходе исследования “Новые факторы неравенства” (2014 г.).

Рис. 3. Причины благополучия (в %, допускалось до трех вариантов ответа).

Как видно из представленных данных, и экономические, и личностные факторы признаются достаточно весомыми. Так, в качестве наиболее частой причины бедности называются низкие зарплаты и малооплачиваемая работа (55,5%). Но уже на второе место вышли вредные привычки (алкоголизм и наркомания), собравшие более трети респондентов.

Взгляды респондентов на причины бедности зависят от возраста и уровня образования. Среди тех, кто не имеют высшего образования, чаще, чем у россиян в целом, встречается мнение, что бедность — следствие низкооплачиваемой работы. Зато люди с высшим образованием гораздо чаще считают, что человек сам виноват в своей бедности. Отсутствие связей, везения и проблемы в семье чаще упоминают в качестве причин бедности представители молодежных групп (38% против 21% в среднем по всем возрастным группам). Причины же успеха представлены на рисунке 3.

Чаще всего, по мнению населения, благополучию способствуют востребованная профессия и высокий уровень образования и квалификации. Около 25–30% респондентов относят к таким причинам хорошее здоровье, нужные связи, место жительства и богатую семью. Не более 20% считают факторами благополучия личные качества и упорный труд. Если же объединить число назвавших в качестве главной причины успеха связи и происхождение из богатой семьи, то значение социального капитала окажется вполне сопоставимым со значением образования и профессии.

Такие взгляды на причины благополучия практически не зависят от возраста. Вместе с тем люди уверены, что положение человека в обществе должно определяться его личными качествами (47,6%), квалификацией (46,0%), уровнем полученного образования (39,4%) и готовностью много работать (37,8%), а немеритократические факторы собирают существенно меньше сторонников (см. рис. 4).

В целом сложился консенсус, единый для представителей разных возрастных когорт, относительно того, что в обществе реально работают одни механизмы успеха (происхождение из обеспеченной семьи, социальные связи, предприимчивость), а должны работать другие — личные качества, профессионализм, образование. Имеющееся противоречие между представлениями и реальностью как раз и оказывается одной из причин того, что *независимо от социального статуса и материальной*

Рис. 4. Причины, которые должны определять положение человека в обществе (в %, допускалось до трех вариантов ответа).

обеспеченности неравенство по уровню благосостояния воспринимается как наиболее несправедливое. Очевидно, что в российском обществе имеется явное противоречие между “должным” и “сущим”, которое ощущает и из-за которого переживает большая часть населения России, и молодежь — не исключение. Такая ситуация не представляется правильной, но молодежь готова с ней мириться.

Молодежь на рынке труда

Имея определенные представления о правилах игры, действующих в обществе, и о том, какими они должны быть, чтобы мир был справедливее, молодежь выстраивает модели трудового поведения, естественно, рассчитывая на успех⁵. Сложились вполне определенные представления о профессиях, дающих возможность сделать успешную карьеру и достичь материального благополучия. Это предприниматель (44,7%), работники сферы государственного управления (36,0%) и финансовой сферы (30,1%), а также юрист (31,7%) и представитель силовых структур (26,3%). Далее следуют инженер (25,4%), врач (17,4%), учитель (5,7%), работники сферы обслуживания — официант, автослесарь и пр. (4,8%) и торговли (9,9%). Ученый (6,8%) или работник творческих профессий (6,2%), как видно из перечня, занимают невысокие позиции. Позиция “другое” получила 2,3%. Этот список, в соответствии с ответами респондентов на другие вопросы анкеты, можно разделить на несколько частей, дифференцированных по степени привлекательности и доступности:

- наиболее теоретически перспективные профессии, но лично не привлекательные. Это в первую очередь профессия предпринимателя, которую считает наиболее перспективной самая большая доля респондентов, но реально занимаются

⁵ Здесь я основываюсь на данных исследования ЦЭНО РАНХиГС “Молодежь на рынке труда”, где в качестве респондентов выступает только занятая молодежь, которая, по разным экспертным оценкам, составляет от 60 до 70% возрастной когорты 18–35 лет. Опрос проведен в июне 2016 г. в городских поселениях трех регионов страны, дифференцированных по критериям социально-экономического развития; объем выборки составил 2100 респондентов.

Каналы трудоустройства (в %)

Каналы трудоустройства	Первая работа	Последующая работа
Через государственную службу занятости	4,1	3,9
Через рекрутинговое агентство	0,5	0,6
Через службу по трудоустройству учебного заведения, в котором учились	5,8	3,5
Путем рассылки резюме	9,7	12,6
С помощью родственников, знакомых, друзей	42,0	41,1
Откликнулись на объявление о вакансии	25,0	24,3
Были приглашены предприятием, фирмой	5,4	7,4
Остался на предприятии (в фирме) после стажировки/практики	5,0	3,9
Другое	2,5	2,7

предпринимательством или планируют заняться им только 6,2%, причем включая тех, кто вошли или планируют войти в семейный бизнес. Видимо, молодежь видит высокие барьеры для входа в круг предпринимательства без наличия ощутимого социального капитала;

- группа профессий, представляющаяся перспективными и относительно доступными. К ним отнесены работники прежде всего сферы государственного управления, а также финансовой и правовой сферы и силовых структур;

- традиционные относительно доступные массовые профессии – инженер, врач;

- наименее перспективные профессии, к которым, в представлениях молодежи, относятся творческие профессии, а также учителя и люди науки.

В число респондентов, работающих по первым двум, наиболее перспективным, группам профессий, в нашем опросе вошло не более пятой части ответивших. Остальные называют причины, по которым они остались вне соответствующего профессионального круга. Первая группа причин связана с недоступностью получения соответствующего образования (44%). Здесь называются отсутствие в семье денег, необходимых для оплаты дополнительных занятий по предметам ЕГЭ, отсутствие в месте проживания соответствующих учебных заведений и пр. Вторая группа причин связана с отсутствием связей, необходимых и для получения соответствующей профессии, и для трудоустройства (36%). И лишь на третьем месте тут оказываются причины, связанные с личными профессиональными предпочтениями (22%).

Основной канал трудоустройства, как на первую, так и на последующие работы – связи и знакомства (социальный капитал), и достойных альтернатив этому каналу, безотказно действующему на протяжении десятилетий, не появилось (см. табл. 3). Ранее мы уже показывали [Аврамова, Малева 2015; Вертикальная... 2008; Адаптационные... 2003], что реально работает в сложившейся институциональной системе социальный капитал в коулмановской интерпретации [Коулман 2001] – как ресурс, заменяющий конкурентные преимущества меритократического типа.

Данные опроса позволили классифицировать места работы наших респондентов. Это:

- относительно высокооплачиваемая работа, где заняты 50,4% респондентов, причем модальным интервалом, определяющим “достойную” оплату, является 40–50 тыс. рублей;

- работа, которая не рассматривается как высокооплачиваемая, но дает перспективы продвижения по карьерной лестнице или повышения зарплаты – 32,0%;

- работа без материальных и карьерных перспектив, на которой заняты 17,6% представителей молодежи.

Таблица 4

Типология мест работы, по возрастным группам (в %)			
Возрастные группы	Типология мест работы		
	Относительно высокооплачиваемая	Перспективная	Без материальных и карьерных перспектив
18–22 лет	52,3	29,3	18,4
23–25 лет	50,3	32,4	17,3
26–28 лет	49,5	33,0	17,5
<i>В целом</i>	50,4	32,0	17,6

Таблица 5

Связь качества рабочих мест и качества образовательного потенциала (в % от имеющих профессиональное образование)			
Типология образовательного потенциала	Типология мест работы		
	Относительно высокооплачиваемая	Перспективная	Без материальных и карьерных перспектив
Высокое качество образования и наличие мотиваций	55,8	32,8	11,4
Низкое качество образования и отсутствие мотиваций	41,2	35,9	22,9
<i>В целом</i>	49,6	33,9	16,5

Казалось бы, работа третьего типа – без материальных и карьерных перспектив – прибежище дебютантов, а с возрастом доля занятых на соответствующих рабочих местах должна сокращаться. Но оказалось, что это не так – распределение представителей молодежи по трем типам работ с возрастом практически никак не меняется (см. табл. 4).

Можно было бы предположить, что связи необходимы для трудоустройства на высокооплачиваемую или перспективную работу, но оказалось, что они использованы и значительной частью соискателей рабочих мест, не имеющих никаких преимуществ. Видимо, это свидетельствует об уровне задействованных при трудоустройстве социальных связей: связи высокого уровня позволили получить высокооплачиваемую или перспективную работу, а связи низкого уровня – только работу третьего типа.

Вместе с тем нельзя сказать, что меритократический тип каналов трудоустройства вовсе не используется. Для подтверждения этого тезиса была построена специальная типология образовательного потенциала молодежной генерации на основе сопоставления двух показателей – качества полученного профессионального образования и мотивированности обучения. В результате оказалось, что та часть молодежи, которая получила образование высокого качества и была мотивирована к получению профессии, составляет несколько большую долю занятых на высокооплачиваемых рабочих местах (см. табл. 5). Но эта доля не слишком сильно превышает долю тех, кто также занимают высокооплачиваемые рабочие места, но при этом не получили качественного образования и не проявляли особого интереса к профессии (разница составляет 14,6%). При этом 11% тех, кто получили качественное образование и были мотивированы к профессии, оказались на работе, которую оценивают как бесперспективную.

После трудоустройства следующая проблема – сохранение рабочего места, и эта проблема особенно актуальна в период экономической нестабильности. В данном отношении большинство занятой молодежи демонстрирует оптимизм – 59,9% респондентов не ощущают угрозы увольнения, как не особенно высокую оценивают ее 36,2%

Таблица 6

Оценка справедливости механизмов поощрений и карьерных продвижений (в %)

Параметры оценки	Скорее справедливо	Скорее несправедливо	Трудно сказать
Повышение зарплаты	43,9	14,3	41,8
Распределение премий, надбавок	44,5	16,3	39,2
Повышение в должности	41,8	10,8	47,4

Таблица 7

Самооценка представителями занятой молодежи своих деловых качеств (в %)

Параметры оценки	Скорее вы имеете такие качества	Скорее вы не имеете таких качеств	Трудно сказать
Высокая квалификация	48,4	22,9	28,7
Трудолюбие	89,0	3,6	7,4
Профессиональное образование высокого качества	53,4	24,6	22,0
Стремление постоянно пополнять профессиональные знания	77,0	11,1	11,9
Опыт работы	66,2	20,5	13,3
Ответственность	91,4	2,9	5,7
Наличие нужных связей	33,3	42,1	24,6
Исполнительность	91,0	3,5	5,5
Инициативность	67,9	15,5	16,6
Умение выстраивать отношения в коллективе	81,9	6,1	12,0
Умение выстраивать отношения с руководством	68,8	11,1	20,1

и лишь для 3,9% она очень важна. Такой оптимизм основан на том, что есть три категории работников, находящихся в зоне риска увольнения, и молодежь в этом списке «на вылет» занимает последнее место (7,2%). Согласно ее представлениям, наибольшая угроза увольнения нависла над теми, кто хуже всего работает (53,4%), а также теми, кто достигли пенсионного возраста (26,2%) или не умеют ладить с начальством (10,8%). Справедливость такого порядка увольнения, правда, вызывает определенные сомнения у молодых респондентов: 22,8% затруднились с оценкой, а еще 12,8% считают его несправедливым.

И еще одна проблема, волнующая молодежь и формирующая ее представления о справедливости сложившихся в трудовой сфере порядков, — механизм карьерных продвижений. Большинство (60%) считают, что это наиболее способные и трудолюбивые, осязаемое меньшинство (40%) полагают, что быстрее продвигаются те, кто умеет ладить с начальством. Оппозиция мнений присутствует и в ответах на вопрос, кого больше ценит руководство: 60% считают, что исполнительных сотрудников, а 40% — что инициативных. В целом о справедливости карьерных продвижений респонденты имеют самое смутное представление: менее половины опрошенных считают действующие механизмы справедливыми, но вполне сопоставимая доля ответивших не имеет о них ясного представления (см. табл. 6).

Судя по тому, как представители молодежи оценивают свои деловые качества (см. табл. 7), они все (во всяком случае — абсолютное большинство) заслуживают одобрения начальства и продвижения по карьерной лестнице.

Они характеризуют себя как трудолюбивых, ответственных, стремящихся к знаниям, в большей степени исполнительных, чем инициативных, умеющих выстраивать отношения с коллегами и с руководством. Они признают, что в меньшей степени им свойствен профессионализм, правда, его наличие они часто (28% затруднившихся с ответом) не могут оценить. В чем молодые люди ощущают заметный дефицит, так это в нужных связях — их явно не хватает.

Представление молодежи о своем будущем

Как мы видели, докризисная восторженность сегодня уступила место более трезвому взгляду молодежи на социально-экономическую ситуацию. Часть ее понимает, что уже в ближайшее время придется столкнуться с более жесткой ситуацией на рынке труда, хотя большинство полагают, что никаких изменений не произойдет, потому что число рабочих мест или останется без изменений (так считают 56%), или даже увеличится (19,7%). Но даже те, кто считают, что число интересных рабочих мест в перспективе ближайших трех лет не изменится, согласны, что конкуренция за них усилится, — таковых 46,4% опрошенных (при 45,1% полагающих, что в этом плане ничего не изменится, а 8,5% прогнозируют, что интересных рабочих мест станет меньше). О том, что им удастся выдержать жесткую конкуренцию за рабочие места, уверенно заявляют чуть больше половины опрошенных (54,5%), 10% понимают, что им это не удастся, а 35,5% затрудняются оценить свои шансы.

Взгляд в более отдаленное будущее выдает присущий молодежи оптимизм. Независимо от наличия и качества имеющихся в их распоряжении ресурсов, от того, как они видят социально-экономическую реальность, от того, какие в обществе существуют правила игры, абсолютное большинство опрошенных уверены, что они к своим 40 годам станут обладателями разнообразных материальных и нематериальных ценностей (см. табл. 8).

Таблица 8

Представления молодежи о том, чем они будут обладать к 40 годам (в %)

Варианты ответов	Уже есть	Скорее всего, будет	Скорее всего, не будет
Квартира в собственности	32,2	59,3	8,5
Автомобиль	35,9	53,9	10,2
Загородный дом	9,9	48,8	41,3
Жена (муж)	38,8	58,7	2,5
1 ребенок	31,2	62,2	6,6
2 детей или больше	8,3	66,6	25,1
Высокооплачиваемая работа	12,6	75,5	11,9
Интересная работа	37,9	56,4	5,7
Компания друзей	75,3	21,8	2,9
Авторитет в вашей компании друзей	71,2	25,6	3,2
Авторитет на вашей работе	50,3	46,7	3,0
Уважение коллег по работе	62,5	35,7	1,8

Только наличие второго ребенка и загородного дома вызывают сомнения, а все остальное — квартира, автомобиль, высокооплачиваемая и интересная работа, уважение окружающих и т.п. — разумеется, как полагают наши респонденты, окажется в их распоряжении.

В итоге можно заключить, что молодежь понимает, что живет в обществе, устройстве которого не кажется большинству ее представителей справедливым. Справедливым видится меритократический тип социального устройства, а реально действующие механизмы вертикальной мобильности преимущественно построены на социальных

связях, заменяющих конкурентные преимущества меритократического типа⁶. Но эта коллизия не представляется молодежи драматической, скорее, она воспринимает подобное противоречие как устоявшуюся норму, с которой нужно соотноситься, выстраивая свои модели поведения. Молодежь не склонна к рефлексии на темы морали, вопросы о справедливости того или иного факта или явления подвергают ее в недоумение. В этом смысле со вниманием нужно отнестись к тезису Л. Гудкова о влиянии политических технологий и контента большинства СМИ на выведение морали из публичного дискурса [Гудков 2013].

Молодежь вполне единодушно определила круг профессий, обеспечивающих благополучное существование (госуправление, финансы, силовые структуры), и лишь немногие ссылаются на отсутствие склонности к этим профессиям, объясняя, почему они работают по другим. Более распространенное объяснение — отсутствие необходимых связей, обеспечивающих доступ к перспективным, в их понимании, профессиям. Впрочем, социальные связи — необходимое условие доступа в любой сегмент рынка труда, даже малоперспективный. Молодежь при этом ощущает дефицит социальных связей как основного работающего ресурса. При этом дефицит образования как ресурса вертикальной мобильности меритократического типа практически не ощущается.

К весьма оптимистически оценивающей социально-экономическую реальность в докризисный период молодежи постепенно приходит понимание того, что наступают более жесткие времена, которые, видимо, потребуют больших усилий и ресурсов. И хотя только половина представителей занятой молодежи убеждены, что окажутся конкурентоспособными в новых условиях, взгляд в будущее у молодежной генерации полон уверенности в том, что материальное и социальное благополучие им обеспечено, хотя вопрос о том, что именно гарантирует им успех, остается без ответа.

Молодежь, во всяком случае, ее работающую часть, нельзя назвать ни потерянным, ни найденным для будущего поколением. Их сила в адаптивности, в способности улавливать сигналы извне и следовать им.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аврамова Е.М., Малева Т.М. (2015) Социальные ресурсы населения в условиях потери экономической стабильности // Вопросы экономики. № 11. С. 86–99.

Адаптационные стратегии населения (2003) Под ред. Е. М. Аврамовой. СПб.: Компьютербург.

Вертикальная мобильность российского общества: 2000-е годы (2008) Под ред. Е. М. Аврамовой. М.: М-Студио.

Гудков Л. (2013) Человек в неморальном пространстве: к социологии морали в постсоветском обществе // Вестник общественного мнения. № 3–4. С. 18–177.

Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения: 2015–январь 2016 гг. (2016) Под ред. Т. М. Малевой. М.: Издательский дом “Дело”, ИНСАП РАНХиГС.

Зарубина Н.Н. (2016) Молодежь в условиях анонимии // Общественные науки и современность. № 1. С. 52–63.

Зоркая Н. (2008) Современная молодежь: к проблеме “дефектной социализации” // Вестник общественного мнения. № 4. С. 8–22.

Коулман Дж. (2001) Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. № 3. С. 122–139.

Плискевич Н. М. (2012) Человеческий капитал в трансформирующейся России. М.: ИЭ РАН.

Шевяков А. Ю., Кирута А. Я. (2009) Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи. М.: ИСЭПН РАН; М-Студио.

Шереги Ф. Э. (2013) Российская молодежь: настроения, ожидания, ценностные ориентации. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга.

⁶См. также [Плискевич 2012], где показано, как в современной институциональной структуре России социальный капитал блокирует развитие капитала человеческого.

Young People in Socio-economic and Ethical Coordinate System

E. AVRAAMOVA*

*Avraamova Elena – Dr. Sci (Econ.), Professor, Head of Department, Institute of Social Analysis and Forecasting of The Russian Presidential Academy of National and Public Administration. Address: Prechistsenskaya nab., 11, 119034, Moscow, Russian Federation. E-mail: avraamova-em@ranepa.ru

Abstract

The article is dedicated to the study of young people views about mechanisms of social order and vertical mobility. On the basis of collected sociological data the following issues are considered: how young people estimate socio-economical situation of the country in a stable period and in a period of crisis; in what degree young people perceive social inequality as painful and consider it fair; what main reasons of wealth and poverty they think; what resources young people regard as the most efficient to achieve success and what models of labor behavior they choose for it. Analysis of obtained data leads to the conclusion that young people realize they live in a society which order is not perceived as fair by the most of its representatives. At the same time meritocratic type of social structure is believed to be equitable, effective mechanisms of vertical mobility are built basing on social relations which substitute competitive advantages of meritocratic type. But this collision is not perceived dramatically by young people, they perceive such contradiction as the established norm they need to be relate with building their models of behavior.

Keywords: young people, education, employment, vertical mobility, social equity, models of labor behavior

REFERENCES

- Avraamova E.M., Maleva T.M. (2015) Social'nye resursy naselenija v uslovijah poteri jekonomicheskoj stabil'nosti [Social Resources of the Population in Terms of Loss of Social Stability]. *Voprosy jekonomiki*, no. 11, pp. 86–99.
- Adaptacionnye strategii naselenija* (2003) Pod red. E. M. Avraamovoj [Adaptation Strategies of the Population. E. Avraamova (ed.)] St.-Petersburg: Komp'juterburg.
- Ezhemesjachnyj monitoring social'no-jekonomicheskogo polozhenija i samochuvstvija naselenija: 2015–2016 gg. (janvar')* (2016) Pod red. T. M. Malevoj [Monthly Monitoring of Socio-Economic Status and Health of Population: 2015–2016 (January). T. Maleva (ed.)]. Moscow: Izdatel'skij dom "Delo", RANHiGS.
- Gudkov L. (2013) Chelovek v nemoral'nom prostranstve: k sociologii morali v postsovet'skom obshchestve [People in no-Moral Space: Towards a Sociology of Morality in Post-Soviet Society]. *Vestnik obshchestvennogo mnenija*, no. 3–4, pp. 18–177.
- Koulman Dzh. (2001) Kapital social'nyj i chelovecheskij [Capital Social and Human]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 122–139.
- Pliskevich N. M. *Chelovecheskij kapital v transformiruyuscheysya Rossii* [Human Capital in Transforming Russia]. Moscow: IE RAS.
- Sheregi F. Je. (2013) *Rossijskaja molodezh': nastroyeniya ozhidaniya cennostnye orientacii* [The Russian Youth: Mood, Expectations and Value Orientations]. Moscow: Centr social'nogo prognozirovaniya i marketinga.
- Shevjakov A. Ju., Kiruta A. Ja. (2009) *Neravenstvo, jekonomicheskij rost i demografiya: neissledovannye vzaimosvjazi* [Inequality, Economic Growth and Demography: Unexplored Relationships]. M.: ISJePN RAN; M-Studio.
- Vertikal'naja mobil'nost' rossijskogo obshchestva: 2000-e gody* (2008) Pod red. E. M. Avraamovoj [Vertical mobility of Russian society: 2000-ies. E. Avraamova (ed.)] Moscow: M-Studio.
- Zarubina N.N. (2016) Molodezh' v uslovijah anomii [Youth in Conditions of Anomie]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 52–63.
- Zorkaja N. (2008) Sovremennaja molodezh': k probleme "defektnoj socializacii" [Today's Youth: the problem of the "defective socialization"]. *Vestnik obshchestvennogo mnenija*, no. 4, pp. 8–22.